

въ Москвѣ въ благородномъ собраніи, лѣтъ двадцать тому назадъ,—только куда имъ! совсѣмъ не то!.. Григорій Александровичъ наряжалъ ее какъ куклу, холилъ и лелѣлъ, и она у насъ такъ хорошѣла, что чудо! съ лица и съ рукъ сошелъ загаръ, румянецъ разыгрался на щекахъ... Ужъ какъ, бывало, веселая, и все надо мной, проказница, подшучивала... Богъ ей прости!..

— А что, когда вы ей объявили о смерти отца?

— Мы долго отъ нея это скрывали, пока она не привыкла къ своему положенію; а когда сказали, такъ она дня два поплакала, а потомъ забыла.

— Мѣсяца четыре все шло какъ нельзя лучше. Григорій Александровичъ, я ужъ, кажется, говорилъ, страстно любилъ охоту: бывало, такъ его въ лѣсъ и подмываетъ за кабанями, или козами—а тутъ хоть бы вышлеть за крѣпостной валъ. Вотъ однако жъ, сжотро онъ сталъ снова задумываться; ходить по комнатамъ, загнущъ руки назадъ; потомъ разъ, не сказавъ никому, отправился стрѣлять—цѣлое утро пропалъ; разъ и другой, все чаще и чаще...—Нехорошо,—подумалъ я:—вѣрно между ними черная кошка проскочила.

— Одно утро захожу къ нимъ—какъ теперь передъ глазами: Бѣла сидѣла на кровати въ черномъ шелковомъ бешметѣ, блѣдненькая, такая печальная, что я испугался.

— А гдѣ Печоринъ?—спросилъ я.

— На охотѣ.

— Сегодня ушелъ?—Она молчала, какъ будто ей трудно было выговорить.

— Нѣтъ, еще вчера,—наконецъ сказала она, тяжело вздохнувъ.

— Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?

— Я вчера цѣлый день думала, думала,—отвѣчала она сквозь слезы:—придумывала разные несчастія: то казалось мнѣ, что его ранилъ дикій кабанъ, то чеченецъ утащилъ въ горы... А нынче мнѣ ужъ кажется, что онъ меня не любитъ.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!

— Она заплакала, потомъ съ радостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба его—я княжеская дочь!..

— Я сталъ ее уговаривать. —Послушай, Бѣла, вѣдь нельзя же ему вѣкъ сидѣть здѣсь, какъ пришитому къ твоей юбкѣ: онъ человѣкъ молодой, любитъ погоняться за дичью—походить да и придеть; а если ты будешь грустить, то скорѣй ему наскучишь.

— Правда, правда,—отвѣчала она:—я буду весела.—И съ хохотомъ схватила свой бубень, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно: она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

— Что было съ нею мнѣ дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался; думать, думать, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Пренепріятное положеніе-съ!

Наконецъ я ей сказалъ:—хочешь, пойдемъ прогуляться на валъ, погода славная!—Это было въ сентябрѣ. И точно, день былъ чудесный, свѣтлый и не жаркій; всѣ горы видны были, какъ на блюдечкѣ. Мы пошли, походили по крѣпостному валу взадъ и впередъ, молча: наконецъ, она съѣла на дернъ, и я съѣлъ возлѣ нея. Ну, право, вспомнить смѣшно: я бѣгалъ за нею, точно какая-нибудь нянька.

— Крѣпость наша стояла на высокомъ мѣстѣ, и видъ былъ съ вала прекрасный: съ одной стороны широкая поляна, изрытая нѣсколькими балками*), оканчивалась лѣсомъ, который тянулся до самого хребта горъ; кое-гдѣ на ней дымились аулы, ходили табуны; съ другой—бѣжала мелкая рѣчка, и къ ней примыкалъ частый кустарникъ, покрывавшій кремнистыя возвышенности, которыя соединялись съ главной цѣпью Кавказа. Мы сидѣли въ углу бастіона, такъ что въ обѣ стороны могли видѣть все. Вотъ, смотрю: изъ лѣса выѣзжаетъ кто-то на сѣрой лошади, все ближе и ближе, и наконецъ остановился по ту сторону рѣчки, саженьхъ во ста отъ насъ, и началъ кружить лошадь свою какъ бѣшеный. Что за притча!..—Посмотри-ка, Бѣла,—сказалъ я:—у тебя глаза молодые, что это за джигитъ: кого это онъ прѣхалъ тѣшить?..

— Она взглянула и вскрикнула:—это Казбичъ!

— Ахъ онъ разбойникъ! смѣяться что ли прѣхалъ надъ нами?—Всматриваюсь, точно Казбичъ: его смуглая рожа, оборванный, грязный, какъ всегда.—Это лошадь отца моего,—сказала Бѣла, схвативъ меня за руку; она дрожала какъ листъ, и глаза ея сверкали.—Ага!—подумалъ я:—и въ тебѣ, душенька, не молчитъ разбойничья кровь!

— Подойди-ка сюда,—сказалъ я часовому:—осмотри ружье, да ссади мнѣ этого молодца—получишь рубль серебромъ.—Слушаю, ваше высокоблагородіе; только онъ не стоитъ на мѣстѣ...—Прикажи!—сказалъ я, смѣясь.—Эй! любезный!—закричалъ часо-

*) Овраги.